

Советское Издательство
МОСКВА
9
29 APR. 1934

ДИКТАТУРА ПУСТЯЧКА

ТЕАТР СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

ПОЛЬ ГЗЕЛЛЬ, известный театровед и тетральный критик, является генеральным секретарем Всеобщей ассоциации театра. В 1933 г., во время I международной олимпиады МОА, он посетил СССР и с тех пор сделался горячим поклонником советского искусства. В ближайшее время в Париже выходит его книга, посвященная СССР и советскому театру. Статья, отрывок из которой мы печатаем, издается журналом «Интернациональный театр».

Никто больше не сомневается в том, что современный театр Франции переживает кризис. И кризис этот является не только финансовым. Это кризис идейный. Директора крупных парижских театров преподносят своей буржуазной клиентуре лишь то, чего она требует, т. е. чаще всего весьма фривольные и бессодержательные пьесы.

Парижские комедии и драмы бесконечно варьируют извечную тему адюльтера. Авторы стараются омолодить эту навязшую в зубах тему, вводя новые персонажи, страдающие различными сексуальными извращениями. Но неизвестно, что выиграл театр от этого обновления, достигнутого за счет здоровой морали.

Праздные светские дамы, влюбляющиеся в клоунов, куртизанки, увлекающиеся бандитами, мужья, удрученные извращенными наклонностями своих жен, и т. п. — вот образцы наиболее ходких интриг буржуазных театров.

Буржуазная публика глуха к грозным воениям, предвещающим будущие перевероты. Она требует, чтобы ее усыпляли двусмысленными анекдотиками, порнографическими водевилями и рискованными опереттами.

Во Франции имеются телантливые писатели, но они тешатся тщательной отделкой маленьких произведений, пикантных, блестящих остроумием пустячков, подчас даже поэтических, но лишенных глубокого смысла. Такие писатели, как Саша Гитри, как Жак Серман, как Марсель Ашар, часто приводят вас в восхищение, их комедии смотрятся с большим удовольствием, но их тут же забываешь.

Лучшие современные писатели обречены на творческое бесплодие. Шарль Мере сразу же после окончания войны написал замечательную пьесу «Пленница» («La captive»), которую поставил в театре Антуан наш великий Фирмен Жемье.

В этой пьесе изображена женщина, которая выходит замуж за немца, а затем за француза. Война заставлял ее детей, которых она имела от первого и второго брака, драться друг против друга. Никогда еще скорбь человечества, оплакивающего своих сыновей-братоубийц, не изображалась так драматично, как в этой трагедии.

Шарль Мере написал с тех пор много пьес, которые пользовались

весьма законным успехом, но никогда после он не поднимался до того уровня, которого он достиг в «Пленнице». Буржуазная цивилизация страшится подлинных гениев.

Рэйналь написал, тоже вскоре после войны, блестящую пьесу — «Могила под Триумфальной аркой» («Tombeau sous l'Arc de Triomphe»). В этой пьесе он жестоко заклеймил старое поколение, поколение кровавой войны.

Новая пьеса Рэйналь «La Française» много уступает «Могиле». Это антисоциальное произведение, воспевующее национальный гений.

Марсель Паньоль в «Топазе» (в Москве пьеса называлась «Болото», шла в театре Корш.—Ред.) резко высмеял любовь к деньгам. Но второй раз он не посмел написать подобную сатиру. Его удел — легкие веселые сентиментальные истории.

Жюль Ромэн, написавший «Кнок», едкую комедию на шарлатанство в медицине, и «Доногоо» — сатиру против бесчестных финансистов, отошел от театра и посвятил себя роману. Он считает, что сценическое искусство не может развиваться в условиях современной Франции.

Морис Ростан написал недавно потрясающую драму «Человек, которого я убил» («L'homme, que j'ai tué»). Это — история одного француза, убившего на войне молодого немца и отправляющегося в Герма-

нию, чтобы облегчить горе родителей умершего. Это пьеса не имела успеха на сцене, гораздо больший успех она имела в кино. Поражение в театре не могло побудить Ростана продолжать работать в области драматургии.

Драматург Шарль Вильдрак, острый и пронзительный художник — автор «Пакбот Тенасити» («Paquebot Tenacity»), «Паломник» («Le Pèlerin»), «Суияница» («La Bruille») — не пользуется таким успехом, который он действительно заслуживает, так как искренность не в большом фаворе во Франции.

Точно так же и волнующие психологические этюды Ленормана, Жан Жака Бернара, бельгийцев Кромиеллика и Демази имеют лишь весьма узкий круг почитателей.

Некоторые писатели, для того, чтобы иметь возможность писать без стеснений и ограничений, выбрали окольный путь и описывают в своих произведениях не нашу современность, а прошлые времена. Так, Поль Фор написал несколько интересных пьес о Людовике XI. Сэн Жорж де Буэлье, который раньше писал прекрасные трагедии из жизни обездоленных, как, например, «Карнавал детей» («Le carnaval des enfants») и «Жизнь женщины» («La vie d'une femme») предпочитает теперь писать большие исторические полотна, как «Кровь Дави-

тона» («Sang de Danton») и «Наполеон».

Когда во Франции говорят о современном русском театре, постоянно восклицают: — Это же искусство политической пропаганды! Драматург никогда не сможет создать поистине прекрасные произведения, если его принуждают защищать и воспевать определенный социальный строй.

Сколько раз мне приходилось выслушивать эти возражения. Вот что я обычно отвечал: «Искусство для искусства» — это лишь претенциозная глупость. Величайшие произведения искусства никогда не были чистыми развлечениями ума.

«Знаменитые греческие трагедии прославляли величие Афин. Мольер воспел пришествие третьего сословия. Бомарше подготовил отчет привидений дворянства».

Социальные идеалы России не имеют ничего общего с отвратительной избирательной кухней нашего буржуазного режима. Это — поистине величественные идеи страны, которая стремится к наиболее совершенной организации человечества на земле.

Чего недостает нашим современным французским писателям, так это именно того социального энтузиазма, который вдохновляет не только большевистское искусство, но и всю деятельность СССР».

Вот, что я говорю японим соотечественникам о СССР. Я надеюсь, что в конце концов они поймут меня.

Генеральный секретарь Всемирной ассоциации театра
ПОЛЬ ГЗЕЛЛЬ